

РУССКИЕ МОТИВЫ
XX
ВЕКА

АНДРЕЙ ПУШКАРЬ

12+

Андрей Митрофанович Пушкарь

Русские мотивы XX века

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63573548

SelfPub; 2020

Аннотация

Документально-историческое произведение. Рассказывает о реальной жизни семьи на фоне истории XX века. Описаны некоторые моменты дореволюционной России, довоенных лет, Великой Отечественной войны и послевоенные годы. Повествуется в своеобразном стиле. Воспоминания, переживания, заметки, письма. В книге использованы материалы по найденным бумагам, рукописям, архивам, дневникам, запискам и размышлениям о прошлом. Чтение книги позволит вам оценить действия, поступки и разные мнения персонажей на происходящие события. Даст возможность понять чужие эмоции, чувства, переживания. Вы почувствуете, что вокруг вас такие же люди, только у каждого своя история.

Содержание

Главные герои	5
Глава 1. Воспоминания маленького Михаила.	7
Письма матери и отца. Дореволюционная Россия	
Михаил	8
Записка матери Михаила	9
Михаил	10
Письмо Михаилу от отца с Первой Мировой Войны	12
Единственное письмо Михаилу от брата Пети	14
Единственный ответ брату Пети от Михаила	15
Глава 2. Про свою учёбу. 1921-1925 год	16
Михаил	16
Глава 3. Любовь. Переживания. Встреча с отцом	18
Михаил	18
Письмо Михаила Люсе	19
Письмо Михаила отцу	20
Письмо Михаилу от отца	21
Михаил	22
Глава 4. Рождение Виргинии	23
Михаил	23
Глава 5. Киев, Днепропетровск, Ростов-на-Дону, Москва, Байкал, Иркутск. Переписка с женой	25
Письмо Михаила жене Люсе	25

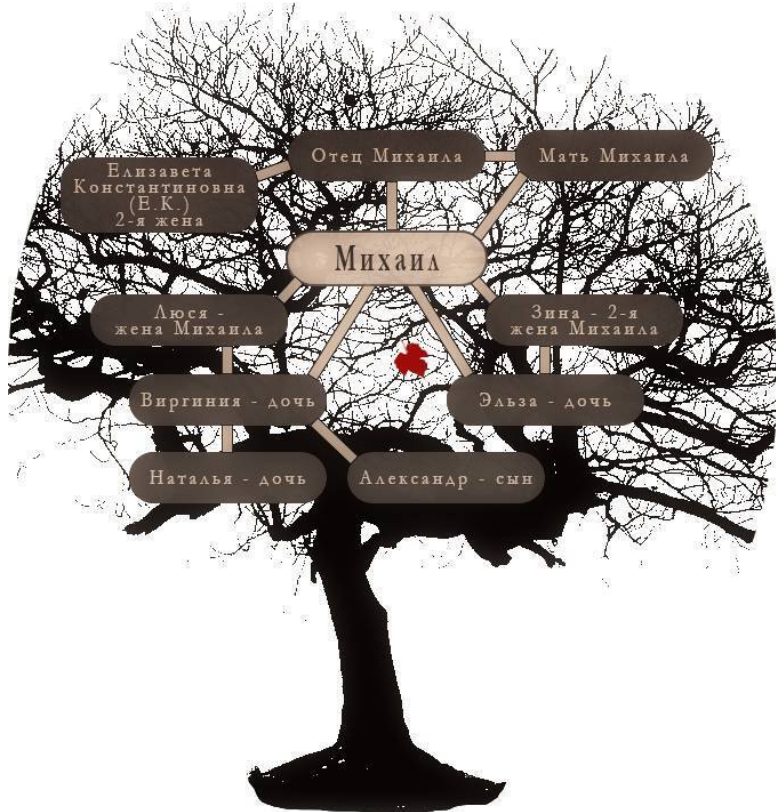
Михаил	29
Глава 6. Строительство мостов в Москве.	30
Желания. Тоска	
Михаил	30
Глава 7. Отец Михаилу о «другой» женщине	32
Письмо Михаилу от отца	32
Глава 8. Возлюбленная	35
Михаил	35
Письмо Михаилу от возлюбленной Зины	36
Письмо Зине от Михаила	37
Михаил	38
Письмо Зине от Михаила	39
Михаил	40
Глава 9. Переписка отца и сына	41
Письмо Михаилу от отца	41
Письмо отцу от Михаила	42
Михаил	44
Глава 10. Перед войной	45
Михаил	45
Глава 11. Великая Отечественная Война	49
Михаил	49
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Андрей Пушкарь

Русские мотивы XX века

Главные герои

Михаил, отец Михаила и Виргиния – главные герои произведения, вокруг которых происходят все события и перипетии.

Елизавета
Константиновна
(Б.К.)
2-я жена

Отец Михаила

Мать Михаила

Михаил

Люся -
жена Михаила

Зина - 2-я
жена Михаила

Виргиния - дочь

Эльза - дочь

Наталья - дочь

Александр - сын

Глава 1. Воспоминания маленького Михаила. Письма матери и отца. Дореволюционная Россия

Вижу себя в далёкой сельской школе. Сажу на ступеньках
крыльца и смотрю на звёзды...

Я один в Великом Мире Звёзд!

Михаил

Мама! Позволь мне завтра встать в 5 утра. Пойду ловить рыбу с Колей. Он согласился, и его отпускают. Буду играть на рояле каждый день, а ложиться спать рано, в 9 часов. Пусти, пожалуйста, мама!

Ты ушла? Зачем же тебя нет со мной? Я люблю тебя. Скажи мне что-нибудь... Что значат эти слова? Кому ты написала их?

Записка матери Михаила

– Мне так жаль себя. Ну, пусть настанет старость, когда силы естественно упадут. Но я ещё молода. Я жить хочу, умею, могу! Дайте мне только отдыха! Я ведь устала, страшно устала. Я ещё не изжила себя, а старость, смерть подходят. Одно разве утешение, что не я одна, а тысячи людей, особенно женщин, увядают до времени и все, не распустившись, завянут. Ужасно! Сколько возможностей погибает. А там, после смерти, потеряв свою человеческую оболочку, будешь ли что чувствовать? Ибо жизнь исчезает – без сознания. Неужели всё так бессмысленно? Пусть это было бы нужно кому-нибудь. Бог? Темно, темно вокруг...

Михаил

Мама! Где ты? Отзовись! Я люблю тебя! Не умирай, мама! Мне страшно одному...

А папа? Уехал на войну! Он прислал мне подарки. Но не надо. Самому ведь не хватает денег. Я совсем не узнаю тебя на карточке. Скоро вас отпустят? Или угонят всё дальше, дальше? Мне люди говорили, будто ты кормил лошадей, когда ехал в вагоне. Правда ли это? Папа, а читаешь ли ты газеты, как русские колотят австрийцев? Я живу пока ничего, а дальше не знаю.

Помню на День Ангела папа подарил мне стёрку и пенал, а мама сделала панно.

А бабушка, няня? Разве им было плохо со мной? Няня будила меня, а я притворялся, что сплю, и мы смеялись.

Редко пишу папе. Всё некогда. Придёшь из школы, а там уроки. По праздникам только свободно. Нынче пораньше выучил урок и вот пишу. Учусь я во втором отделении. Пока ничего учусь, но боюсь, не сдам экзамен.

А на Новый год у нас в классе стояла нарядная ёлка. Мы играли спектакль «Без вины виноватые» и водевиль «Выту-

рил.» Очень смешной! И читали с девочкой Ксенией басню. Она была Кукушка, а я Петух!

А учиться не очень хочется. Играю на рояле, когда 30, а когда 40 минут. Сейчас много играл и ещё, мне кажется, буду. Я всё бегаю и ленюсь, но играю далеко. Уже и трели умею. Маму перегнал и до папы недалеко. Но клавиши совсем неверные.

А мама учила меня по-французски. Я удивляюсь, как они говорят! Вечером ложимся спать, мама рассказывает колыбельные песни и себя убаюкивает, а я всё смеюсь.

Когда мама приехала из Раненбурга, у неё был сильный кашель.

Я сделал маме скамеечку для ног и нарисовал Кривский бугор. У нас всё время дождик с перерывом, и я бегаю целый день по болотам босиком. Папа! Не надоело тебе жить там – на войне? Я твой верный сын и жду тебя!

Письмо Михаилу от отца с Первой Мировой Войны

– Милый мой мальчик! Выбрось тоску и печаль из твоей маленькой головки и помни, что у тебя есть папа, который любит тебя и надеется, что вернётся рано или поздно домой и принесёт с собой радостную и беззаботную жизнь тебе. Поедешь учиться, а мы с мамой будем ждать тебя.

Наша милая мама. Помню, как венчался с ней в Высоковской церкви Рязани 18 августа 1904 года. Я был так счастлив и горд её красотой и умом.

Чудесный маленький мир – наша семья. Мама любила слушать меня, а я читал ей вслух. Мы сидели в комнате, закрыв занавеской окно, забыв весь мир. А ты бегал там с мальчишками. Около церкви и иногда смотрел на наше окно.

Ах! Мой сын! Наша церковь! Мы пели с тобой в хоре! И ты был со мной, мой мальчик!

Мама не любила, если кто-то приходил к нам. Она хотела быть только со мной в нашем чудесном маленьком мире!

А помнишь, как мы готовились ко Дню Твоих Именин? И ты ждал этот Праздник! Мы были счастливы! Разве мы могли не быть счастливы? Разве могло быть иначе? Мы поздравляли тебя, мой славный мальчик, с Днём Ангела и желали тебе радости, удачи и, главное, уверенности в себе!

Умения работать и большого терпения в труде! Ты, может быть, и не понимал тогда. Мама расскажет тебе, как важно это, если силы у неё будут. Сил, то у неё мало, и она уже не сможет сделать тебе Праздник. Не обижайся тогда на неё.

А потом – война! Вы с мамой провозжали меня на фронт. Мы так спокойно простились. Никто не видел наших слёз.

Я рассказывал тебе, как выносил раненых с поля. Как играл на скрипке. Солдаты выходили из окопов и слушали мою игру. Братание. Отсюда, с фронта, я не мог послать тебе ничего, кроме добрых пожеланий. Нет возможности сделать тебе подарок. Германских денег? Да зачем они тебе?

Так что, сыночек, обстоятельства сложились не в твою пользу. Дай Бог, чтоб они редко складывались так. Не унывай! Это не беда! Вот, дай Бог, вернусь домой, тогда другое дело. Всё, что захочешь, сделаю. Будем играть на рояле, петь, читать книги, газеты. Пойдёшь к своим друзьям. Будешь свободен, как в поле ветерок. По старой привычке попробуем, у кого кулачки крепче. Я уже забыл, как больно они дерутся. Наделаем там шуму и гаму. А вечером, когда станет темнеть, и наступит прохлада, соберёмся у костра. Вы натаскаете дров и хворосту, а я по-солдатски сварю вам картошку с салом. Чему научился в совершенстве. И уху, смотря какая добыча будет у нас за день.

Твоего совета не ходить в школу прапорщиков я не забыл. Будь счастлив, мой сын. А я пойду петь молебен.

Единственное письмо Михаилу от брата Пети

*– А вчера, 17 марта 1917 года пришло письмо из Москвы!
Да здравствует свободная Россия! Теперь всех городских
арестовали. У нас в школе пели революционные песни. Твой
брат Петя.*

Единственный ответ брату Пети от Михаила

– Дорогой мой братик Петя и сестричка Катя! Где вы теперь живёте? В Москве? Зачем же я не с вами? Зачем мы живём далеко друг от друга?

Милое доброе детство! Ушло навсегда? И нет ему возврата! Остались одни воспоминания?

Глава 2. Про свою учёбу. 1921-1925 год

Михаил

Помню, как я поступал учиться! Приехал на экзамен бо-сой! Ну не было ботинок! Но меня приняли! Когда же это было? Да, да, помню в 1921-ом году!

И вот я на уроке. И уже окунулся по горло в общественную работу. Одно собрание и два заседания! И так будет нередко. Тем более, что на днях буду членом РЛКСМ. Получил от ребят наилучшую рекомендацию.

Ломаю путь жизни круто. Ошибаюсь, нет – не знаю. Думаю, и колеблюсь, но назад поздно. В работе отдыхаю от утомительного ничегонеделания в деревне. Сильно отстал по учебной части и покачиваю лишь головой – мало времени, чтоб догнать. Но ничего – опять появляется энергия, открываются горизонты. Передо мной громадный производственный план, рассчитанный на несколько лет. Развитие речи, силы и уверенности в себе и рояль. Я должен заниматься самовоспитанием! О, борьба, борьба! Мой производственный план!

А учился я всегда хорошо. Помнишь написали обо мне в Рязанском техникуме: «Способный к физико-математическим наукам, интересующийся общественной жизнью, сын народного учителя. Живут на жаловании 32 рубля в месяц. Бедные! Мать умерла от туберкулеза и малокровия.»

Сын учителя! Интеллигенция! Не хотели принимать в вуз! Пришлось доказать, что семья то бедная!

Ну, наконец! Ленинградский институт путей сообщения. И я студент! Шёл 1925 год.

Глава 3. Любовь.

Переживания. Встреча с отцом

Михаил

А потом была Люся! Она любит меня! Конечно, по-французски, как мама, она не может, но ведь и я не могу. Но Люся любит меня! А я люблю её? Да, да.

Письмо Михаила Люсе

Что же я такое делаю? Ты беспокоишься, недоумеваешь. О, какое зло поднимается у тебя, какая обида ляжет. Я уехал и не пишу. Просто так. Не знаю, почему. Как могу быть так необъективен? Папа столько раз говорил мне, обжигался об эту мою черту. Но я чувствовал себя последнее время нехорошо. Вел себя плохо и, в результате, мучился, мучился. Прости меня. Написал тебе давно и дал читать папе. Я не боялся. Лёг, но не мог уснуть. Через долгое время взглянул – он писал. Кому, что не знаю. Но, кажется тебе. Значит, получишь. Верь ему. Папа чувствовать и говорить может искренно. Меня он уважает и доверяет мне. Ты верь ему.

После этого дня папа относился ко мне как-то особенно тихо, задумываясь, иногда целуя в голову. Когда шли на станцию, сказал ему про моё отношение к тебе уже просто и открыто. Он не говорил ничего. А ты всё молчишь. Всегдашнее твоё молчание увеличивает расстояние между нами. Я не люблю так.

Письмо Михаила отцу

Папа, милый папа! Скажи, как быть мне!?

Письмо Михаилу от отца

– Ах, милый мальчик! Сколько времени прошло... Так быстро вырос? И уже не один! Я всегда буду с тобой, мой сын, кого бы ты ни выбрал себе в спутницы жизни.

Но какое-то молчание, какая-то несуразность получилась в наших отношениях. Почему так? Не беда! Мы всё вытерпим, переживём. И я всегда буду любить тебя, мой мальчик. Но молчание вводит меня в заблуждение. Что-то сложилось не так? Удивительно стало трудно говорить, писать. Не знаю, с чего начать. Слишком много нужно сказать тебе. Отдохнёшь здесь. Я обещаю твёрдость и ясность.

Михаил

И я поехал в Гагарино к папе! Мне хорошо у него! И как я ехал! Лёг, уснул и спал всю дорогу! Пересадка на Троекурово. Чуть не прозевал станцию. Выскочил на ходу!

Потом, при чудной погоде – долгая дорога в далёкое Гагарино. Тут совсем неплохо – пригорки, лесочки. Главное – рядом поле.

Папа – романтик! Каждый день выходит погулять хоть на полчаса. Вчера мы с ним ходили долго, долго. Светила луна, а мы шли по полю.

Я хорошо сделал, что приехал. Как он ждал меня! Папа боялся, что наши отношения с ним будут обычные, формальные. Но нет, он прав. Мы с ним родные по духу и крови! И так понимаем друг друга!

Он чувствует себя спокойно и уверенно. Интеллект его не стареет. Хотел бы приехать к нам работать. Дирижировать хором, составить Хрестоматию школьного пения.

Я послал запрос в Москву на предмет его работы. Но нет никакого ответа! Не перевели! Ну и шут с ними!!!

Глава 4. Рождение Виргинии

Михаил

Ах, Люсик! Я смотрю в твои дивные глаза, прижимаю твою головку к себе. Только не надо плакать и обижаться, Люсик! Оставайся нежной и хорошей! Пусть всегда в нашей жизни будет праздник!

О! Милая Люся! Итак, свершилось! Итак, девочка! Славная, дорогая девочка! Что будет дальше, не знаю. Но судьба не покарала нас ни за что!

Ну, а что не мальчик, это неважно. Даже лучше. Она даст больше тепла, уюта маме. Через мучения ты родилась вновь вместе с дочкой.

Для встречи выберу пьесы, и буду играть вам. Вы войдёте, и услышите звуки! Я буду играть, и петь для родной дочери! Господи! Как славно и хорошо это! Я весь с вами.

Дочка, дочка! Кричит громко! Значит, будет голос! Будет петь! Я прочитаю ей сказки Л. Толстого, с которых начал своё воспитание. Не покарал Бог за наши прегрешения? За мысли, желания? Нет, не покарал.

Конечно, хотелось бы сына, чтоб он продолжил мой путь, чтоб был личностью, творцом! А не как я – заурядный,

ненужный, пустой. А родилась дочь! Ну что ж, пусть так! Она будет музыкантом!

Я хочу, чтоб моё продолжение, моя дочь была тем, кем я не смог, не получилось. Не было сил, условий. Не было таланта!

О! Как хочу – открыть дверь и увидеть своё дитя за роялем, легко и бездумно играющим и тысячи миров засверкают в звуках. И это – моё, моя кровь и плоть – моя дочь!

Я украшу рояль цветами, положу новорожденную на рояль, и буду играть, чтоб ей передалось моё ненасытное чувство, моё желание творить.

Музыка – мой подлинный мир, но недоступный мне, бездарному. Но чем всё это кончится? Но я, я, нет, всё-таки ваш.

Мне трудно. Я устал, всё время занят. Мои расходы по 4 рубля 30 копеек в день. Сегодня ничего не ел. Ушёл рано на работу. Впереди квартплата. Она поднимется до 65 рублей. И дома лежит работа. Может быть, что-то получу за неё. Это поддержало бы нас.

Глава 5. Киев, Днепропетровск, Ростов-на-Дону, Москва, Байкал, Иркутск. Переписка с женой

Письмо Михаила жене Люсе

Ах, как давно это было, когда я писал тебе коротенькое письмо из Киева. Но настроение его не ушло, не пропало. И я пою ту песенку вновь!

Я в отдыхающем, как бы бездельном городе. Цветы, зелень бесконечных садов. Все вечера город дышит гуляньем по широким улицам, по обрывистому берегу над чудным Днепром! Я вливаюсь в толпу и двигаюсь точкой, люблюсь мерцанием звёзд и тысячью огней внизу, на воде и там за рекой. Я наслаждаюсь и пью Киев полно и радостно. Хожу по далёким окраинам.

Я всё скитаюсь и восторгаюсь от той смены обстановки, в которую попадаю.

Из Киева до Днепропетровска и дальше – Днепрострой. 600 километров по Днепру!

И всю дорогу пишу. Никогда так много не писал. Посылаю папе. Он любит, когда пишу ему! А тебе привезу поцелуй.

Разве это хуже?

Ах, милая жёнушка! Я так один, так далёк от тебя. Вспомни ту песенку, которую я пел тебе, поцелуй дочку, скажи – это папа, который уехал далеко, далеко.

Ах, Люся! По ночам вижу тебя. Либо изменяешь мне, и я просыпаюсь со стоном, растравленный ревностью, долго не сплю и травлю себя ещё больше. Либо вижу тебя – всю готовую для меня, одетую в чёрное. Эти минуты я очень запомнил.

Всю свою утреннюю прогулку я шёл и одевал тебя в ленты, черные чулки и высокие туфли. Закрыв двери и окна, нежился с тобою весь вечер. Мы лежали, предавались любви и никуда не спешили.

Господи! Как хочется увидеть тебя и не для ласки, а просто – для родственного тепла. Может быть, холодно встретишь, как тогда? Но я всё-таки жду, что вновь приеду к тебе.

Молчишь. Мне это не нравится. Не должно быть так! Мы же с тобой хотим строить хорошую семью, а тут молчание, молчание.

Ещё один этап – Ростов-на-Дону. Что он даст мне?

И потом – Москва.

Как я живу? Хуже, чем хотелось бы. Хандрил, что-то вроде болезни. Круги под глазами, головные боли. Приходил домой, не знал, куда деваться. Дома – жара и визг трамвая! Еле ходил, работал и еле жил!

Потом возродился. Наводил порядок и даже играл и пел! Соседка Анна сказала: «Какая жизнь пошла! Все вечера поёт! Никто ему не мешает, не перечит. И он поёт, как никогда!»

А на работе тысяча обязанностей. Строится метро. Уйти бы в дальнейшем во Дворец Советов.

Разные мысли приходят после твоего письма. Одно ясно – ты переутомилась и не удовлетворена жизнью. Возможно, незаметно для себя подводишь итоги. Жизнь разбита – горькое признание. Ты истощена за последние годы. Но мне кажется, это пройдёт! Радость жизни будет! Причин страдать нет! Могу согласиться, что тебе было холодно, жёстко всю зиму и год. Но не верь мне, чего-то бояться. Зачем?

Человек жизнерадостный – доверчив, незлопамятен и терпим к людям. Даже моя мама, уже больная, всё же улыбалась жизни и мужу, когда он возвращался домой. Можно быть недовольной семьёй, но не радоваться абсолютно ничему? Я хочу верить, что ты возродишься. Иначе плохо для нас. Я всё сделаю, чтобы ты чувствовала себя лучше.

За что винишь меня? Я не виноват, и мне не хочется тебя в чем-то уверять. Подумай и сама. Твоё недовольство мною, недоверие начинает обижать. Прошу, посмотри на всё с моей точки зрения и ты скажешь, что тосковать нечего. Всё благополучно, если не будешь сама создавать трагедию. У

тебя все условия быть счастливой. Моё устойчивое отношение к семье. Твёрдое служебное положение, хорошая дочь. Всё будет зависеть от нашей доброй воли. Если же тоскуешь по неописуемому счастью, которое тебе создали бы «певцы снежинок», то будь здоровой глотать так, как я.

Я не скорблю, скорбеть не собираюсь. Жить хочется хорошо. Свой остаточек жизни буду вести около семьи!

О чём скорбишь – не знаю. Твою скорбь воспринимаю как оскорбление, пренебрежение мною! Это оценка меня!

Я так хотел бы получить частичку любви от дочери! Мало ли что было! Кровь-то моя, и она рассудит в будущем!

Еду на Восток! У меня тысяча дел. Опять повышение квартплаты. Ты молчишь. Не пишет и папа. Я ничего не знаю. Беспорядок кругом. Уезжаю больной, без сил и, как всегда, без денег! Не откликнулись и товарищи по работе.

Михаил

Я на Байкале! Уже третий день! Так прекрасно, что не хочется уезжать! Вчера наслаждался горным хребтом за озером. Сегодня – водой. Гор не видно, их затянуло облаками, и озеро стало бесконечным морем. Барашки волн, лёгкий шелест прибоя. Кругом горы в почти непроходимых лесах. Имя им – тайга! Где-то роют и моют золото. Но даже здесь, на берегу, оно имеется. Я зачерпнул рукой песок и нашёл до десяти тонких пластинок. Видел, как моют его старатели.

Всюду полное безлюдье. Сегодня еду по прекрасной реке Ангаре в Иркутск.

Мои поездки! Это единственное, что меня утешает.

Глава 6. Строительство мостов в Москве. Желания. Тоска

Михаил

И вновь – Москва.

Я хорошо работаю! Участвую в строительстве Краснохолмского, Новоспасского, Большого Устиньского мостов. В тресте ГОРМОСТ сказали, проявил себя как знающий инженер.

Но как далека моя специальность от моих желаний. Я люблю искусство. Хочу творить, но нет слов, звуков, красок. Не вижу ничего, не слышу. Пустота! Ни слова!

А кругом люди – тысячи людей, и все живут, думают, чувствуют. Находят удовлетворение, радость в работе, простой жизни. Полной жажды творчества и счастья? Как прекрасен мир, природа и как тягостна среда людей, особенно мне близких.

Не я же один такой в мире – вечно тоскующий? Нет, нет. Я буду счастлив. Я хочу быть счастливым!

Но кто выслушает меня? Кому могу раскрыть душу? Ведь

кругом живут, улыбаются счастливые. Почему же мне так нехорошо?

А у них всё просто? У этих людей, которые идут, идут куда-то. Кому поведаю? Один в запертой комнате.

(Мной прочитана книга «Одетые камнем.»)

Сам в жизни. Помахать бы крыльями – мах, мах! И ни слова! В жизни моей не разрешено ничего. И что скорее умрёт я или моё тело? И сколько ещё буду предавать.

Глава 7. Отец Михаилу о «другой» женщине

Письмо Михаилу от отца

Мой мальчик! Какие убийственные письма вы написали мне оба. Никто не виноват, ни ты, ни Люся. Я знаю тебя, мой сын. Ты не можешь быть виноватым. Но и она не виновата. Не утешаю Люсю. Задета гордость, самолюбие. Обмануты как бы хорошие чувства.

Это всё похоже на бред. Как же так случилось? В вашу жизнь вмешалась безответственная особа. Её дальнейшая судьба? Она не будет авторитетна собственным детям. Счастья не будет у неё.

Мне жаль тебя, и я так уважаю твои страдания. Не могу не любить тебя, хотя и не согласен с тобой во многом.

И в моём вопросе ты неправ. Это нелёгкий вопрос. Так получилось, в силу каких-то причин. Люди подошли друг другу. Теперь я связан долгом. Разрубить это уже нельзя. Пойми, мне приходится иметь дело с честным человеком, который думает, что имеет дело тоже с честным человеком.

Как быть мне, когда разрушился наш мир, наша семья.

Много думал. Грустно вспоминать о растраченных силах, убитых преждевременно. А сейчас кому принесу радость в дом? Где буду не в тягость?

Откровенно говоря, я был бы рад, чтоб этого вопроса не существовало. Я личного счастья не ищу. Но мне надо быть, где-то, существовать. И я чувствую приближение старости. Начинаю нуждаться в определённых условиях. Раньше мне это было безразлично. Устаю. Стал раздражительным. Что-то нездорово во мне. Давит нечеловеческая работа. В голове смутно. Не могу принять твердое решение. Мало денег. Снижают ставки. Придётся экономить. С администрацией школы у меня натянутые отношения. Но я не дал им ни одного слабого пункта в работе и головы не нагну.

Тяжело декабрь действует на меня, угнетающе. Не беда. Подымусь. Придёт весна, и всё образуется. А весной посадки, огород. И все дела, дела. Отчёты, конференция. Но главное, чтоб ты чувствовал себя хорошо. Все думы о тебе. Главное, чтоб видеть тебя!

Но почему молчит мой Миша? Где он?

Где моя семья? Конечно там, где мой сын и моя внучка. Мне больше никто не нужен.

Моя внучка? Кто думает о её счастье? Она не должна забывать, что, хотя у мамы и папы не всё благополучно, но они есть у неё и они любят её! Привезите её ко мне. Ей будет лучше здесь, чем в Москве. Поймите. Да и молодость лучше уживается со старостью. Я хочу избавить вас от забот о

ребёнке и строить её новую молодую жизнь. Других внуков у меня не будет. Такой вывод диктуется моей внутренней настроенностью, слагающейся из моих привычек и убеждений. Она должна быть здесь. Я купил рояль. Буду учить её музыке.

Я слаб, растерян. Я словно в тумане. Досадно на себя.

Мой Миша! Не любить, не уважать тебя не могу. Ты мой сын! Близкий, понятный, родной, не высказанный мой Миша и моя самобытная милая внучка Вируся. Провести бы хоть часок с сыном, послушать певучую речь Вируси. Видеть её движения и вечные хлопоты вокруг чего-то. У неё есть ум и воля, и она всё время занята чем-то. К ней здесь хорошо относятся, уважительно. А Аня трогательно заботится о ней. Они так любят друг друга! Привезите мне Вирусю!

Я всё хожу на станцию, не считаясь ни с погодой, ни со временем. Всё иду, иду на станцию и жду, жду.

Глава 8. Возлюбленная

Михаил

Да, что-то новое свершается в моей жизни! Она так обаятельна, женственна. И она сказала: «Я вырву тебя из твоей семьи! И ты будешь счастлив!» Но нет. Это только эпизод. Неужели он так трагичен? Уйти, уйти. Закрыться ото всех куда-нибудь в деревню, в маленькую избушку, покрытую снегом.

Уехала. Эта великолепная дама, моя Возлюбленная, моя мечта! Она дала мне счастье короткое, но незабываемое! Я взволнован, я никого так не любил! Прощай, моя радость! Я вечно помню тебя, только тебя одну!

Теперь я один, совсем один. Живу где-то на Соколе в маленькой комнатке. Здесь мой Мир! Мои книги, письменный стол. Здесь моя мама, её душа. Я чувствую её. А больше не хочу никого. Но Люся приходит. Зачем? Всё кончено. Я один.

Много лет спустя получил оттуда – с Севера письмо. О! Бедная женщина! Как я любил её! И она написала мне. Но поздно уже.

Письмо Михаилу от возлюбленной Зины

Дорогой друг мой! Судьбой было уготовано разбросать нас с Вами. Но это не значит, что в памяти истёрлось всё хорошее, милое, доброе, связанное с Вашим именем. Наши беседы, должна сознаться, предопределили мою дальнейшую жизнь и не раз удерживали от ненужных поступков. В своё время Вы поступили в отношении меня как большой, хороший друг. Приезд моей дочери Нины живо напомнил мне о Вас. Я узнала много нового. Какая изумительная книга – человеческая жизнь! Я так хотела бы повидать Вас и... Вашу жену.

Кстати, с Новым годом! Вспоминается другой Новый год, встреченный в метро. Как давно это было. Какие страницы Вы помогли мне прочесть! Этот привет, который посылаю Вам, как тихая музыка откуда-то издалека. Вы проходите, а звуки всё тише, тише и вот исчезают последние.

Я прожила удивительные годы. В них было всё! И горе, и отчаяние, безнадежность и минуты счастливые. И на этот раз всё было настоящее. Я очень хорошо знаю жизнь. Знаю, что такое «улыбка на эшафоте».

Письмо Зине от Михаила

Да я женат вновь! Моя любимая Зина! Я предан тебе. Я твой навсегда!

Ты улыбаешься любя и сердисься любя! Обидел тебя сегодня. Позвонил. И не приехал.

Мне больно и досадно. Но эти два часа я провел мысленно с тобою и хотел привести туда же тебя, на кладбище Новодевичьего монастыря. Больно и стыдно ходить одному. Я думал, когда и как приведу тебя сюда. Ходил между могил великих людей с тобою рука об руку. Я твой неразумный, необыкновенный, но любящий. Ты перенесла тяжёлые дни без тени упрёков. И теперь зовёшь к новой жизни. Я помогу тебе её построить. Не обижай меня своими сомнениями. Оставайся нежной и женственной. С полной счастливой верой. Обожанием чувствую твои руки. Лицо, милые глаза.

Михаил

День моего рождения! Мы в Доме архитектора. Концерт, ужин, танцы. Общество – художники, артисты. Картины, смотрящие со стен. Мы с Зиной рядом. Близко. Мне счастливо! Завтра пойдём слушать лекцию. Будем смотреть наши любимые книги. Спасибо тебе за мою теперешнюю жизнь. Ты настоящая моя жена, умная, чуткая.

Кто вспомнил про день моего рождения после мамы? Только ты!

И мы просим судьбу сохранить радость нашего бытия на долгие годы.

Письмо Зине от Михаила

И почему так пугает, и печалит возникшее вдруг озлобление? Разговор о прошлом. Смутные дни после разговоров. Как тяжела несправедливость – твоя на вязчивая идея моей нелюбви тебя. Чудовищное восприятие лучших моих побуждений. Я предложил тебе развеяться, погулять, отдохнуть. Ты сказала: «Желаешь освободиться от меня. Толкаешь на полную свободу!» Обидно!

– Давай записывать!

– Давай!

– Я не выдерживаю натиска упрёков, сомнений, твоей грусти. Ты хочешь моих унижений. Я не на высоте. Ты перенесла так много, устала. Ждём поддержки. Прощаешь всё, как мать. Но я-то хочу тебе помочь.

Михаил

В июне нанёс тайную обиду Зине. Сказал ей об этом позже. И вот частые вспышки недоверия ко мне. Ночные разговоры. Холодная встреча меня по приезде из Дмитрова. Ночные прогулки по Садовому. Как будто сближение? Но нет радости. Осенью мои письма – исповеди. Она улыбается, любящая, мягкая, нежная. Мы вдвоём. Всё ближе и лучше. Встреча Нового года в Доме литераторов. Мне хорошо. И вдруг напряжение. Недоверие. Она срывается. Разве я ужасен?

Камень надо мной. Маленькая фигурка. Вижу. Это камень – рок надо мной.

Глава 9. Переписка отца и сына

Письмо Михаилу от отца

Мой сын, мой Миша! У тебя новая семья? Знаю. Твоя жена Зина пишет мне, но странные письма о Вирусе. Зачем? Это ведь наш с тобою вопрос.

«Ребёнок плохо питается, плохо учится. Нечистоплотность в денежных расчётах, нажива на детских деньгах. Плебейский плач на паперти.» Это она о Люсе.

Как далёк я от всего подобного. Далёк. И ты, мой сын, терпишь это? Я вообще не люблю разговоров о деньгах. Меня это раздражает. Был бы прожиточный минимум и всё. Оставил на совести твоей жены. Как уверена в себе! Как легко распоряжается тобою. И ты терпишь это?

Письмо отцу от Михаила

Да, ты прав, мой папа. Я устал. Я должен уйти. Вот он – мой Большой зал консерватории! Как счастлив здесь! Это моя стихия, мой мир! Симфония Моцарта соль минор! Симфонический оркестр! И нет равных ему в мире! Всё остальное отзвуки!

Зачем я не музыкант, не художник, не творец? Нет большего чуда, чем музыка. Ради музыки надо жить, переносить все тяготы. Если существует истинная радость, ничто не должно смущать.

А помнишь Малый зал консерватории? 5-й квинтет Шостаковича. Тончайшие кружева звуков. Ручей лирики, мечты поэзии русской природы – равнины. Тишины и грусти.

Скерцо, как Петрушика Стравинского. И вдруг, молитва Небу. Финал квинтета – весь мир в тебе! Начало медленных дум.

Слушатель юноша, откинув голову, закрыл глаза. Улыбка счастья озаряет его лицо! Два древних старика. Они в прошлом. Сюда пришли люди, которые могут читать творения музыки. Здесь всё – эмоции литературы, живописи. Любовь и природа! Жажда жизни, знаний. Полёт танца и возведённое к небу здание. Всё музыка выражает в совершеннейших формах. Ещё не слыханная мною мелодия несёт-

ся вдаль, ввысь. Звуки парят высоко, высоко. Все заморозжены.

Как много аплодисментов! Автор сам вёл партию фортепиано.

Михаил

Да, мир музыки властвует надо мной! Он уносит меня от моей неудавшейся деятельности в круг жизни цветущей, полной улыбки, радости, гордости и счастья!

А ещё вспомнил! Когда это было? Весной, в марте 40-го года. Малый зал консерватории. И.С. Бах!

О! Это море мелодий! Моление Небу, Богу! День и Ночь! Годы бегут в этом потоке. Задумчивость, слёзы, грусть, отчаяние и торжество. Царство над миром. Только Церковь в моём отрочестве создавала такое насыщение душе!

А играли дети, ученики детских музыкальных школ. Они истинно одарены. Перед ними как бледен я и моя дочь. Гордые мечтания унижены!!!

О! Если б иметь дитя, отмеченное даром неба!

Я был не один, с моей Зиной. Мы слушали Бога звуков, царя в этом море мелодий!

А кругом (*в Европе – примечание автора*) идёт чудовищная война!

Глава 10. Перед войной

Михаил

На грани ещё больших событий, катастроф. Захвачены целые страны. Австрия, Чехословакия, Польша! Оккупированы Дания, Голландия, Бельгия. В смертельном бою бьются Англия, Франция против Германии. Металл и огонь выжигают и убивают десятки тысяч человеческих жизней! Решается судьба мира! Париж будет взят, но Франция не побеждена. Встанет Америка?

Что будем делать мы?

На грани катастроф, зарниц, не меньших 1917-1919 годов!

7.11.1940 года. Я в Выборге. По следам минувшей войны. Бастион Петра. Крепостной вал, построенный Петром I. Залив, порт. Готический костёл. Позади кладбище из домов. Война и месть сражённого бушевала здесь. Квартал за кварталом разрушены и выжжены. Остались только трубы печей деревянных домов. И всё искроплено от пуль.

В глазах стоят пожары, взрывы, паника, безумство жите-

лей. Отчаяние и злость тех, кто защищал.

С востока танки, ружья, пулемёты. Но как идти? Как наступать? Ведь каждый дом – очаг опасностей и смерти.

Станция Иогень. На много километров протянулось озеро. Далёкий берег. Причалы для приёмки леса. Кругом ель, сосны, берёзы. Гранит, разбросанный от камушков до глыб величиною с дом. И вновь пожарище, пепел.

Бродил я по руинам и сломил веточку можжевельника, снял с пожарища плитку от печи и небольшую вывеску на финском языке. Реликвии печали.

Терриоки. Большой вокзал. Вся его середина изъедена. Один конец цел. В нём билетная касса. В другом конце – руины. Вздывают обломки стен. Перебитые деревья.

Келломаки. Близко граница. Чудные домики северной архитектуры.

Куапала. Эта станция была известна старым петербуржцам, как дачная, когда Финляндия принадлежала России. Просвечивает через деревья далёкий залив. Близко Белоостров.

Пограничная станция. Что бросается в глаза по ту сторону – колоссальный противотанковый ров, колючая проволока.

Леса, леса. Нет камней, нет руин. Тишина.

Последние минуты моего путешествия. Через 30 минут Ленинград!

Мой Ленинград! Как счастлив я здесь! Дышать туманом!

ном, чувствовать, что я невесом. И сегодня умчусь к Неве. Радость, почти слёзы на глазах. И нежелание возврата. В Москве – молотки, булыжники, кризис. Москва – как будни, казарма, как вся действительность.

Не хочу страдать, не хочу камней, летящих в меня. Дышать воздухом, радостью, счастьем! Где оно?

Одна лишь точка, остров, якорь – это ты и наш домик! Закрыться, запереться, а дальше я всё ненавижу! Как вырваться нам с тобой и лететь! Дышать морским воздухом! Душно, душно! Дай руку мне единственно близкий мне человек! Как никто, никогда! О! Если бы ты видела всю картину неба, заката, узорчатые ели, сосны. Я слышу в этом звуке симфонию. Готов кричать и плакать! Мне хорошо здесь, и я как будто в детстве.

Потом Кронштадт. Уже июнь 1941 года.

Пристань. Сумерки. Серое небо. Унылая вода. Огоньки пароходов. Трубы заводов. Корабли – вестники далёких стран. Где-то на острове памятник Петру I с надписью: «Бережь флот и место сие аки живот свой.» Памятник адмиралу Макарову. Еду в Ораниенбаум.

Наконец, я вновь в моём любимом Ленинграде! Дом ученых.

Лежать, отдыхая в белой комнате с огромными окнами. Видеть голубое небо, шпиль Петропавловской крепости –

это очень много! Где я? Разве я великий князь?! 19 век? Я в своём особняке? Рядом с Зимним Дворцом?

Слышать гудки пароходов, далёкий шум города, вдыхать запах воды – это роскошь. Гордый праздник! Не трясина будней, духота табельного номера и невыполненных дел. Знать, что рядом роскошные залы дворца в бархате и мраморе, смотреть на переливающуюся в лучах заката зыбь воды, значит находиться на пиру у жизни!!!

Как чувствовали себя они, те обитатели, хозяева этих зал? Это значило быть на высоком пьедестале, открытом на пиршестве в прозрачном голубом просторе.

А у меня эта роскошь, богатство интерьера, величие истории России и моя свобода от дел. Всё сливается с моей драгоценной подругой, моей Зиной.

Это музыка моего счастья! Никогда не было ещё такого богатства красок, фактов, больших, чем сейчас!

Через три дня выехал в Москву. Готовился к поездке в Ригу, Таллин для обследования портов. Какое было бы удовольствие!

Глава 11. Великая Отечественная Война

Михаил

22 июня 1941 года прибыл на аэродром, чтоб улететь в Севастополь. Но война взорвалась! Послал телеграмму: «Папа, милый папа! Война мировая! Потрясён новым морем крови и слёз.»

Меня направляют в Инженерное управление Северо-Западного фронта.

Я в Боровичах. Работаю много, но неудачно. Отстал от сроков. Уронил авторитет. Ну что ж!

Надо работать. Депрессии нет.

А уже осень. Я на Валдае. Озеро, острова. Старинный монастырь среди лесов. Зелень хвойных деревьев, украшенная букетами ярких жёлтых и багровых берёз. И рядом зарево пожаров на фронте, где гул и стремительный полёт авиации. Войска, машины, танки. Тысячи и тысячи людей, рвы, доты, дзоты, окопы. Проекты, согласованные с генералами, полковниками, майорами. Мои ночёвки в избах на полу, печках,

солومه. Недалеко в Боровичах, моя Зина. Дрогнуло сердце радостью и печалью, ибо что впереди? Чем помогу?

Два раза, за последние месяцы, меня посещали мимолётные яркие настроения. Недавно при солнце, лёгком дыхании тепла, почудился аромат весны, юга, довольства и вот сейчас слабые, еле слышные звуки музыки за стеной по радио, два вдоха среди духоты будней.

Падает снег. Предвесье зимы.

А кругом идёт чудовищная война. Пали Орёл, Мариуполь. Под ударом Калинин. Зина села в машину и поехала в Москву. Но уже не по правительственному шоссе через Калинин, который горит. А сёлами. Маленькими городами. Ополченский Посад, Бежецк, Иваньково, Дмитров, Москва.

Куда поедем мы? Нужны ли наши работы? Что в Москве? Не обойдут ли нас? Что южнее? Тула? Елец? А там, у папы? Не затронут ли их?

Что-то впереди? Думалось, остановили. Но вот скачок на Орёл, и всё смешалось. Пал Таганрог. Под ударом Москва.

А помнишь наш с тобою день 23 октября! Соединение наших жизней! Роскошный букет цветов! Первый Новый год! Встреча весны! Близко, близко, но порою грустно, что несчастливо тебе. Помнишь наши покупки – рояль, книги, золото. Ты моя единственная подруга. Всё в тебе, ни шагу без тебя!

Как далеко то время! Рушится наш домик! Наш альков гибнет! Сколько пережито.

Набат. 22.6.1941 года. Мой отъезд! Где ты сейчас? В осаждённой Москве? Где сгорит наш домик, наша колыбель? Будет ли день, когда увижу тебя. Будем свободны и счастливы? Цветы, бархат моря, тепло солнца. Любовь не погибла. С концом твоим наложу руки и на себя, ибо замёрзну от ужаса и тоски.

Но что делает судьба! У тебя тиф! Ты приехала ко мне, оставив Москву всю в панике, распавшуюся без милиции, без властей. Отвёз тебя в больницу. Когда кончится горе? Первые страхи за твоё сердце. Помнишь наши полутайные, еле сдавливаемые слёзы? Ужас. Чем помогу?

Второе Управление Оборонных работ Н.К. Обороны выдало Приказ об организации Бетонного завода в городе Череповце. Приступить к организации 25.11.1941 года и пустить его в декабре 41-го. И я – начальник завода!

Череповец. В столовой военторга. Уже месяц, как организовываю Бетонный завод. Трудно, медленно. Монтаж, опалубка, арматура. Электростанция. Сколько трудностей! Пережил депрессию. Был страшный мороз. Не ходил на завод. Грозил смещения меня. Потом воспрянул немного, увидел конец.

Бетонный завод готов! Это мой праздник! Но три недели нет горючего для электростанции, и завод пустить нельзя,

невозможно.

А утром 6 декабря! Наступление наших войск! Немцы отброшены от Москвы. Освобождены тысячи деревень и городов! Крупнейшее поражение немцев!

По окончании работ я командирован, и мы едем на машине в Вологду. Феерическая зимняя дорога. Вологда задержала нас на три дня. Настолько опоздал поезд из Архангельска! Хлопоты о билетах! Хлеб, добытый чудом, 8 кг! Трупы на вокзале. Страшная ночь посадки. Кордон пропусков в Ярославле. Мечты – только бы вернуться на асфальт Москвы!

И вот последний кордон! Ярославский вокзал! Мы на площади Москвы!

Что с нашим домиком? Домик цел! Но сколько мелких неудач. Заболел воспалением лёгких. Топливо, дрова. Их собирали по полену. Ломали заборы, рубили деревья. Мы непрерывно мёрзли, но, главное, мы голодаем. Только хлеб и пустое первое. Я с трудом устроился на работу. Иначе меня не пропишут.

Вчера встретили безобразно: «Пришли отдыхать?!»

Март 1942 года. Наконец я первый день на работе! Военно-мостовое управление. Мне присвоили звание технического лейтенанта и старшего инженера. Мои мосты в районе Калинина. Восстанавливать их после ужасов октября-ноября 41-го.

Утро 18.4.1942 года. Калининская область. Мост через реку Шостку.

Наступила чудная весенняя погода. Вот уже семь дней нет мороза. И яркое солнце греет нас. Настоящее тепло после морозной зимы, которой, казалось, нет конца. Особенно, если дома 0-7 градусов. Руки обмерзают даже в варежках.

Но привёз домой 8 кг картофеля! Не забуду радости моей Зины. Этого хватило на несколько дней! Поездки в Раменское за капустой по 60 руб. кг.

Помню, как мы ели её на морозе руками. Отчаяние голода заставило бросить на ветер эти 200 руб. – треть моего заработка. Пять часов стояли в очереди за сахаром. Получили 600 гр. макарон, селёдки 500 гр. и 365 гр. масла по талонам. Я был крайне усталым. Простился с Зиной как-то невнимательно. Она дала мне материи для обмена. Но я не обменял. Купил мёрзлой капусты, свёклы и четыре полена дров за 30 руб. Но как доставить? Ходил в сёла. Обошёл избы. Лениво оборачивались: «Много тут ходит вас из Москвы!»

Вчера шёл за 10 км по лесу, по воде. В дороге доедал последние кусочки, отложенные для Зины в Калинин. Но сил не было, и я съел 5 кусочков мяса и 3 леденца, которые нёс Зине! Счастье улыбнулось. Променял 3 метра материи (зефира) за меру картофеля. На плечи взвалил и шёл по снегу, воде, не разбирая. Всю дорогу передо мной стояли, как призраки, фигуры Зины, Эльзы и Густава с молчаливым вопро-

сом: «Неужели не привёз?»»

Я падал, но ходил по деревням. Брал в сенцах горстями крупички ржи, вынесенной на противнях для просушки. Я знал, что у них тоже ничего нет, но я трепетно радовался, что у Зины будут зёрна на 3-4 каши. Шёл обратно и улыбался. Вчера ходил за рыбой. Имею 1 кг! Это много! Буду ловить теперь сам!

А какой хороший был период моей работы весной 42 г. в Дмитрове на строительстве моста. Инспектируя, учился сам. Пробы прошли удачно! Потом были и неудачи. Но наконец, после утомительных дней мост сдан!

Я вздохнул. Маленький обед. Нет гонки нервов! Не голоден! Чистый воздух! Вода! Далёкий горизонт с причудливыми молочно-голубыми облаками. Красные стрелы заката. Полная тишина. Лишь далеко голоса из посёлка. Поэзия весеннего вечера и потому так безысходно одному. Где ты? Отзовись!!! Хочу быть рядом!

После разлива рек моя работа здесь заканчивается, и я вновь в Москве! Подготовка к конференции, где должен выступить. Приготовить ряд глав для справочника. Думал, обойдусь неделей. Но. Болезнь.

Головные боли. Грозил строгий выговор. Хочется работать, но не рвать себя. Не страдать. Надо подниматься из ямы, куда оступившись упал.

С 15.6.1942 года мы в системе Н.К. Обороны в Главном управлении автодорожного строительства Красной Армии. Переехали в новое здание на Софийской набережной. Это хорошо, а то меня всё раздражало.

Сегодня пообедал с мясным блюдом! Как изголодался последние недели и месяцы. Тарелка каши вызывает почти слёзы! Ели почти один хлеб – 600 гр. и пустое первое.

Вдруг воздушная тревога! Сирены, гудки, завывание чудовищ! Вероятно, одна из последних! Давно их не было. Неужели им что-то удастся? Сегодня 21 июня 42 г.! А помнишь зимние канонады? Огни, взрывы! Война ещё идёт, хотя в Москве её уже не чувствуем! Забыли!

В садике у щели. Я всё вспоминал, как хорошо работал в Боровичах. Вырос, окреп. Неуверенность стала пропадать, забываться. Но мой недостаток – отсутствие постоянства в работе. Где мой дневник, письма папе?

Каждый вечер небосклон завешан баллонами. Сегодня ночью иду на улицу. Моё дежурство! Своеобразная романтика!

Уже июль 42-го. И вновь строительство моста. Ока. Серпухов. Низководный мост.

Прозрачный предвечерний воздух. Облака, пролившие

свой дождь, убегают на восток. Впереди Ока. На другом её берегу за 2-3 км город. Слышны тихие звуки топора с реки. Запах срубленных сосен, брёвен. Вдали отдельные возгласы бойцов. Вернулся с обеда от коменданта батальона и комиссара. Оба грузины. Оба сытно питаются. Выпили вина, ели зелень, консервы, пили чай, не отказывая себе в хлебе. Говорили о Грузии, её вине, раздолье. Говорили о втором фронте. Скоро ли будет? А сейчас работать, строить и голодать. Не всем. Например, мне, моей семье. В Москве.

Ещё не готово. Только начали бить сваи. Батальон 164 – конгломерат нацменов Кавказа. Трудно работать.

В Дмитрове я помогал в проектировании и решении технических задач. Помнишь подъёмку моста на лентах? Обследовал, предложил деревянные тротуары и усиление башен. Здесь, в Серпухове и помогаю, и сам организовываю стройку. Руковожу работами.

Разводной мост через Оку! Широкая водная гладь. Солнце рассыпалось серебром вдоль всего русла. Если сузить глаза, то ласковое, полное сказок и счастья море. Сажу на барже посреди реки. Позади пилят, рубят.

Мне хорошо! Я сыт! Я нужен! Меня уважают!

Лето – лучшее время года. Не жарко, часто дожди, а сейчас ветер обнимает, целует меня. Вода набегает, бросает приветные брызги. Вспоминаю два момента. Прошлогодний Ле-

нинград. Нева. Запах воды. Из окна шпиль Петропавловской крепости. Я – обитатель Дворца! Мои поездки в Кронштадт. Вечер на пристани. Это был верх моего счастья!

Прошло лето, осень, зима. И вновь солнце блеснуло так, что сердце забилось от счастья! Мне хорошо. Я помню ласку ветра и солнца.

Но истинная радость у меня в те минуты, когда успех в работе! Тогда всё другое воспринимается спокойнее! Нет яда в душе, нет тревог и затаскивания ненужных мыслей в угол, в темноту. Разве не это причина моему восприятию природы здесь, на Оке? Такому покойно счастливому и сладкому!?

Ветер освежает лицо и руки! Красота вокруг! Любуюсь рекой, солнечно изысканными облаками и вечером, закатом, угасающим небом и вспоминаю прошлое! Концерты, театры! Зина в вечернем платье, украшенном золотом и камнями. Юг. Ты в светлых тонах, как дивный цветок. Год войны. Ты в рабочем костюме, в минуты тревоги, борьбы. Одета в ткани прошлого в минуты радости. И руки, протянутые ко мне твои руки.

Пусть всё будет скромно в нашей жизни. Пусть останется только радость и свет твоей любви. Как сильно любишь меня, какой могучий источник твоей любви, твоего преданного отношения ко мне. Если твоё чувство продолжает цвести, продолжает давать тебе силы жить и приносить мне по-прежнему тепло, исключительное внимание, ласку, уступки,

нетребовательность и бесконечные усилия для поддержания нашей экономической жизни. Ты трудишься больше меня. Ты несешь ответственность за семью, за быт больше меня.

Откуда берёшь силы? Откуда берёшь улыбку при встрече меня? Откуда твоё терпение? И ни одного упрёка мне. Прощение мне всего, всей моей жизненной слабости. Каждая твоя слеза мой невольный грех, безмолвный упрёк мне, осуждение меня. Как тяжело мне за тебя. Как стыдно, виновно! Но я чист перед тобой. Я не виновен в личном, сердечном отношении, ни в чём. Я чист непорочен перед тобою. Я готов на любую жизнь впереди с тобою. Даже не в Москве, даже в трудных условиях. Но этой готовности мало. Моей чистоты перед тобой мало. Нужна помощь. Облегчение твоей борьбы.

Вспоминаю свою суровость, порою нервозность в зимние месяцы года. И мне стыдно, что я не был силён, чтоб преодолеть физическое недомогание и улыбаться тебе, согреть тебя озябшую, мою подвижницу, лаской и теплом любви.

Надо стать выше своего физического состояния, надо принять все тяготы, принять жизнь такой, как она сложится. Быть счастливым тем, что есть рядом! Неужели нельзя замерзая любить!?

Мы будем счастливы эту зиму! Ни одной слезинки, ни одного взрыва отчаяния. Кончится война, поедем на юг к морю. Не будем стремиться к многому. Но сохраним наше счастье и покой. Рояль, книги и 600 гр. хлеба! Это счастье!!!

Помнишь приехали в Москву. Голодали, мёрзли, но я упорно играл на рояле, учился немецкому языку. Слушал лекции Тарле, читал Диккенса, Эренбурга. Историческая, философская литература. Дидро! Какая роскошь! Это всё оставить до лучших времён? На будущее? Нет! Нет! Я хочу слушать музыку!!!

Я вновь в своём раю! Малый зал консерватории. Вечер квинтетов. Бородин, Танеев. Музыка уносит меня в 19 век мечтательной русской усадьбы.

А уже сентябрь 42 года.

А кругом идёт чудовищная война.

Радио. Последние известия.

12.09.1942 года. После ожесточенных боёв наши войска оставили Новороссийск. Упорные бои западнее и юго-западнее Сталинграда.

Защитники Сталинграда! Железной стеной стойте на путях к городу. Не пустим врага к нашей Волге! Беспощадно истребляйте немецких разбойников. Советские воины! Остановите врага, во что бы то ни стало!

20.9.1942 года. Ожесточенные бои в районе Сталинграда. Мы отбили несколько улиц. Полностью истреблена рота немецких автоматчиков. Остервенелый враг, не считаясь с потерями, стремится захватить Сталинград!

Воины Красной Армии! Ваш долг отрубить окровавлен-

ную лапу, занесённую над славной волжской твердыней!

Два месяца немцы рвутся к Сталинграду. Наши войска героически отражают удары врага.

Защитники Родины! Славные воины Красной Армии! Держитесь непоколебимо. Каждый дом – крепость. Бои на каждом этаже. Наверху наши, внизу – немцы. Бои в комнатах, квартирах. Немцы вводят новые и новые дивизии в бой. Возьмут ли Сталинград? Уже вряд ли, несмотря на тысячи самолётов.

5.10.1942 года. В направлении Рабочего посёлка немцы бросили в наступление до 3х пехотных дивизий. Танки действуют при поддержке авиации.

Отстоять Сталинград наш священный долг!

Советские воины! Помните! Бои под Сталинградом имеют важнейшее значение для всего хода Великой Отечественной Войны! Ни шагу назад – таков приказ Родины!

17.10.1942 года. Немецкие войска усилили свой натиск. Авиация – основная сила немцев. До 1000 самолётов вылетов! Бомбы, рельсы, сирены.

Воины! Остановите гитлеровцев!

26.10.1942 года. Наши войска вели упорные бои с противником. Наступление врага в районе Моздока и южнее Новороссийска остановлено!

В Баренцевом море наши корабли потопили немецкий транспорт в 16000 тон.

Газета «Финансист» (США): «Мы с изумлением и затаённым дыханием смотрим на гигантскую эпопею, разыгравшуюся вокруг Сталинграда.»

Приезжал Уинкли, представитель Рузвельта. Его позиция – надо помогать России. Русские невиданно героичные! Нужен второй фронт!

Зарубежные газеты. Бои под Москвой – это бои за Францию! А бои под Сталинградом – это бои за Европу!

В августе опубликовано коммюнике о переговорах Черчилля со Сталиным.

Требование от нас политических уступок и изменения экономической политики. Черчилль: «Русским трудно понять, почему мы не можем оказывать им большую помощь.»

11.11.1942 года. Газета «Правда.» Сложившаяся обстановка на Западе (отсутствие второго фронта) такова, что мы должны бороться одни, отстаивать каждый город потому, что потом его приходится отбивать с большим трудом у немцев. Я назвал этот день признания нашего одиночества траурным.

23.11.1942 года. Начало успеха английских войск в Египте. Разгром армии Роммеля. Американские и английские

войска ворвались в укрепление Бизерты в Тунисе. Роммель бежит.

А мы нанесли крепкий удар под Владикавказом! Сталинград, как гранит в бушующем море.

Газета «Известия.» Невозможное сделали возможным. Герои падали, их друзья улыбались и шли дальше.

На рассвете 19.11.1942 года войска трех фронтов прорвали оборону противника, и перешли в наступление.

Разгром немецких войск под Сталинградом! В кольце окружения 22 дивизии немецких воинских частей.

Что ждёт Германию? Как она восприняла Сталинград? Удар по престижу? Можно ли теперь им надеяться на победу? Зарница гибели империи нового завоевателя Мира!

31.12.1942 года. Ночь перед новым годом! И так, заканчивается 1942 год. Наступает Новый с обещающими большими событиями. Гибель Германии и раздела Мира между нами, Англией и США! Каковы будут наши уступки и не случится ли новой катастрофы?

2.02.1943 года. Полный разгром и уничтожение, пленение остатков гитлеровской 6 армии. Пленён Командующий фельдмаршал фон Паулюс!

Рузвельт прислал грамоту Сталинграду! «Славная победа остановила волну нашествия и стала поворотным пунктом

войны союзных наций против сил агрессии!»

Калинин 8.1.1943 года. И вновь дыхание войны. Я в разрушенном городе среди войск.

Но питаюсь, отдыхаю. Вчера съел три завтрака, четыре обеда, ужин и чай с хлебом и маслом! Страшно, что так много, но таков мой предыдущий голод, так малы порции в столовых. Сегодня ел сало! Настоящее, зажаренное!

Пообедали в столовой. А вчера дали в вагоне кусок хлеба. Я ухаживал за бойцом и в награду получил 50 грамм хлеба.

Я с вожделием смотрел на их хлеб и сало. Было холодно ехать, темно. Ночью сильный мороз. Шли группой по городу. Ночевали у военного коменданта не раздеваясь, накрылся матрасом.

А уже сегодня спал на чистой постели после сладкого чая! Меня встретили внимательно. Я дал заключение, внёс предложения. И мне хорошо.

Командир 168 мехбатальона приветливый человек. Армию кормят сытно. Обед не доедают. А в гражданских столовых пустые щи и блюда скользкого теста из несолёных без масла макарон. У нас был завтрак и обед, имели продовольственные карточки. Но на них так мало давали.

Беседую с военным. Он неопределённо поддакивал, что населению голодно. Ну, сытый голодного не понимает.

Сижу в столовой. Рядом пожилая дама в шёлковой коф-

точке и шуршащей шерстяной юбке. Она врач. Облик говорит, что прошла «красивую» прошлую жизнь. Теперь её силы и умение понадобятся для участия в нашей стройке. Из тех, что поднимают энтузиазм и умение, благородство русской души восстанавливая жизнь в Калининe. Помню встречу в музее! И там благородные русские люди!

Морозно. Ветра нет. Тонкий серп луны взвился в небо. Даль туманна. Покровами снега убраны дома, деревья. Зима декоративна до театральности.

Она румяно улыбается, от неё веет стариной, довольством, свадьбами. Хочется плакать, избежать вкрадчивых и неотступных лап голода, когда стынут руки, воли нет. Всё тускло. Вина жизни не ощущаешь.

Какая разница в восприятии жизни! Мне надо помнить, что я не всегда неудачен, уродлив. И мне бывает наполнено, счастливо, что не всегда неудачи в работе. И стоит ещё жить много, много. Истинный праздник будет и у меня.

Мелочно это, но, всё же колеблясь, зашёл к заведующему, и он не отказал, распорядился дать мне ещё порцию ужина, т.е. ещё один пирожок! Ради пирожка не пошёл сегодня ни в кино, ни в театр! Пирожки превыше всего! Они палка, отгоняющая гидру голода!

Зина сказала: «Как хороша пшённая каша! Я готова поехать в Рязск за пшеном. Я не могу занять подобающей позиции, чтоб сражаться, как другие. Не могу обеспечить близких питанием. Живу, не получая удовлетворяющего уваже-

ния ко мне.» Правда, я обратился в Управление автодорожного строительства Красной Армии за дополнительным питанием. Бульон, овощи, суфле для семьи. Послал Зине масла, сыра с незнакомой мне дочерью профессора Цветаева. Дал ей немного масла и сыра. Больше нет возможности у меня.

В январе вызван на строительство объектов Серафимовичей. Мы – оперативная группа под руководством Якубовского. Должны восстанавливать мосты, дороги. Он приезжал к нам, говорил о почётности и ответственности наших задач.

Еду по интересным местам. Донская область, Миллерово. Прodelал после Серафимовичей 1000 км на машине. Увидел по пути, услышал так много. Еду по следам войны по стране, полностью изменившей свой облик!

Остановка. Украинская хата. Залез на печь. Мальчуган играет на балалайке. Появился ужин. Хозяйка принесла соломы. Топится печь. На нас дивятся девчата. Если бы ушёл в батальон, был бы сыт.

Поездка полезная для моего производственного опыта, а главное, интересная. По моим наблюдениям ранее оккупированные и освобожденные районы.

Сколько встреч, разговоров! Люди охотно рассказывают о прошедшем урагане, чуме, затмении.

Следы чудища войны повсюду. Пустынный ограбленный город, разрушенные дома. Окон нет. Сожжённые станции. Хаты, вишневые сады вперемешку с избитыми, замеревши-

ми танками, протянувшими свои грозные дула. Кажется, танков и машин больше, чем домов, и они обступили эти дома так тесно, будто скот, пригнанный из поля и протянувший свои головы на крыльца дворов в двери и окна. На дороге ещё встречаются трупы убитого врага, протянувшегося прямо с востока на запад, закочневшего в лёгкой одежде и ставшего твёрдым как камень. Один лежит и смотрит впадинами глаз на проезжающие машины. Зачем он шёл сюда?

Всё перемешалось. Указания улиц, движения, комендатуры на русском, рядом остатки немецкого языка. Надписи на домах на всех языках. Русский, немецкий, итальянский. Разбросаны трофеи – мины, гранаты, ящики, снаряды. Рассыпаны груды патронов, банок, сигарет, итальянских макарон. Умываемся румынским мылом, слушаем немецкие пластинки.

По дорогам интенсивное движение машин, снабжающих фронт. Идут наши, возвращающиеся из немецкого плена. Видел итальянцев, румын, сдавшихся победоносной Красной Армии. Понимали они, зачем пришли сюда и почему страдают от холода и голода в товарных поездах.

Но как грубы, циничны некоторые из нас. Смеялись, рассказывая об их страданиях! Не чутки люди по отношению друг к другу. Пленные работают. Им созданы условия, но итальянцы мерзнут и падают от слабости и холода.

Разрешен въезд жителям. Они возвращаются восстанав-

ливать разрушенную жизнь и общественное хозяйство. Они приветливо и охотно пускают ночевать каждый день по несколько человек и даже угощают своим ужином. «Немцы пользовались этим насильно. Неужели мы откажем своей армии!»

Взволнованность жизни! Впечатление, какой-то праздничности и взрослой мудрости населения, как бывает у людей после путешествия по другим областям и странам. Лапа войны загрела людей и гигантскую технику и бросила их из Европы в другую гущу людей! Всё перемешалось в бушующем океане, и теперь люди выходят, всматриваясь по-новому в жизнь!

Всё это впечатляет, но душу тянет к дому под его защиту. Я ничего не знаю, как они живут там, в Москве. Пошлю масло, макароны, консервы и два лимона. Продам пока только два платья. Я так хочу в Москву, в театр, музей, концерт.

Близок конец мученьям. Будем же мы счастливы, поедем на юг, будем здоровы и радостны.

Продолжаю свой путь. Устал я от моих путешествий, и мне сопутствует ряд неудач. То авария с машиной, то заносы в поле. Обрыв поезда на несколько часов.

Стояли в Ртищеве трое суток. Променил материю на литр водки и 2 кг масла. Достал пахучую солонину. Мой подарок Зине из Ртищева.

Станция Никовка. Где-то на пути от Острогжска до Бел-

города. Не утихает метель. Дороги забиты. Вчера рвался ехать. Так было тоскливо. Дороги как будто расчистят, но пока мороз, пурга. Машины не идут.

Провёл день в ротной мастерской. Хорошо был встречен. Плотно кормили. День ожиданий. Пурга кончилась, но дороги заметены. Тысячи женщин на расчистке. Вот и машина.

Деревня Алексеевка. В кухне у помойки сон. Еду, везу 2 кг масла, сыр. Берёг мясо, но оно портится. Продать бы бурки, имел бы сало. Да мало ли что можно было сделать. Жизнь ещё долго будет корявой.

Что же я? Вспоминаю. Лепестки роз, лилий. Захотелось домой. Неужели опять буду обижать Зину? Но внутри у меня светло. Светоч, как стебель под покровом снега, пыли. Взойдёт солнце и расправит крылья! Радостью будут светиться глаза. Оставил тебя в месяц твоих смутных настроений, но счастье в наших руках. Мы навечно вместе. Без твоей любви мне жестко и невыносимо, как сейчас одному в деревне на полу. Грязная изба, клонит сон, рядом помойка.

Впрочем, утром получил трофейные продукты, на рынке купил мясо. Поехали опять. Посадили нас на бочку с горючим. Сильная мокрая метель. При подъемах грязь и машина съехала в кювет.

Шёл по грязи 2 часа. Выбрались к темноте в Новый Оскол. Здесь ночёвка в приличной семье. Долго разговаривали с хозяйкой квартиры о пережитом. Ясно вырисовывается картина той тьмы, которую пережили люди, и которая опутала бы

всю страну, если бы не хватило сил преодолеть врага!

В Белгороде обрабатывал материал и вдруг! Немецкие ракеты!

Запрет продавать на рынке. Выезд всех на восток. Ночной марш. Толпа раненых. Продрогли. Наконец, подготовка к отъезду и пересадка на поезд. Слёзы и лица всех провожавших! Немцы близко? Около Харькова? Когда же кончится страшное время?

Еду вслед за пожарищем войны по свежим ранам, нанесенным нашей стране, ещё дымящимся, пахнущим гарью и кровью. Служу Родине! Тоскую по вас, родные!

Все члены нашей группы разъезжаются. До сих пор наша база была в Серафимовичах, теперь в Воронеже. Фронт быстро продвигается вперед, и мы не должны отставать от него. Уезжаю в Богучары и Старобельск. С нами едет художник Милославский. В Москве живёт на Арбате. Пошлю с ним сахарин.

Я бессилён, раздавлен обстоятельствами и полная оторванность от дома.

Мороза уже нет. Я в валенках. Долго шёл по мокрому снегу. Вчера ехал в вагоне с лошадьми. Отчасти романтично. Сел в остановившийся на минуту поезд. Часа 2 на площадке в ужасной грязи. Пересел в вагон. Посередине – лошади. Запах, удары копыт. Дыхание лошадей над головой. Солома. Человек семь на полу и в люльках. Кони направлялись на фронт. Я сушил валенки и прикручивал к ним деревянные

подушки, чтоб не ступать в воду.

4 дня был в Воронеже. Работа пока не организована. Питаюсь лишь наблюдениями окружающего. В Воронеже много впечатлений. Его шелестящее ночью железо, сдвинутое с крыш, пустынных руин.

Сейчас я окунулся обильно в военную атмосферу. Жалею, что не полностью передовую боевую. В Москве мы не чувствовали лика войны, не видели лицо врага.

Устал я от моих путешествий. Голова раскалывается от дум. А меня посещают мечты о будущем. Не будем голодны. Будет тепло и неустойчиво. Будут театры и музыка.

А уже весна. Май 43 г.

Берег реки у Коломны. Организовываю работы. Подъем и сборка. Сборы ферм.

Тёплый весенний вечер. В небе тонкий серп луны. От воды тянет свежестью, запахом реки. Вдали гул лягушек, как музыкальный звук, то замирает, то вновь воскресает! Обаяние лета, зелени, лесов, реки, тепла, велико и таинственно. Когда лучше, театрально-декоративной зимой или сейчас? Как свежи картины елей, покрытых снегом. Веточки заборов, проводов вдоль бесконечных дорог, освещённых кроваво-низким солнцем с сине-фиолетовыми тенями! Зимой – наслаждение художника. Летом – счастье любви, нежность и мягкость, запах лугов.

Я ухожу. Уже темно. Идти далеко. Перед глазами насыпь к мосту. И он стремительным бегом полукруглых арок переброшен с берега на берег! Мощные творения человека в дни тяжелой войны. Девять пролетов ГАУ по 30 м. и семь пролетов Лангера по 62,5 м. Последнее рекордно! Построено с 10.1942 по 4.1943 год. Я жду указаний по его эксплуатации.

А мне пришло время возврата в Москву. Обещали машину для поездки за картофелем. Неудача в четверг. Не решился идти 15 км пешком.

Сажу на брёвнах в стремительном ожидании. Жизнь хлещет по лицу и учит бессмысленному терпению. Мысли меняются, как кадры в кино. Жаркое солнце успокаивает нервы. А в вышине крики грачей! Идиллия русской деревни. Мне хорошо. Тихо, нежно, музыкально. Силуэты машин, всадника на лошади. Пешеходы.

Позади Коломенский монастырь на стрелке, где Москва впадает в Оку и где плывут пароходы до Нижнего и дальше, дальше. Обещали машину. Наконец-то, и что? Я в поле у разбитой машины. Всё думаю, какой будет техника в будущем! Хочу написать книгу «Бег техники будущего». Набросал контуры 3 тысячелетия. Язык эсперанто, деловой. Национальный – литературный. Спорт, фото-записи. Всё на пленку! Искусство! Телевидение! Город в несколько этажей с экранированным стеклянным потолком! Движущиеся тротуары. Сельскохозяйственное орошение. Новые культуры.

Пища витаминизированная, малообъемная. Антисон и анти-болезнь.

А каков будет сам человек? Его мечты, идеалы? Не будет ли он холодным и бездушным? Забудет, что такое печаль, грусть, сомнения, сострадание к другому? Техника и нравственность? Не знаю.

А железнодорожный мост уже пропускает через себя быстрые стрелы поездов. Вот так, когда то, через равнины, реки, города они мчали людей к праздничному югу, к пышной красоте Черного моря. В красивых нарядах беспечные мужчины и женщины среди пальмовых аллей, зарослей роз и благородных магнолий спускались у пляжа и отдавались солнцу, плеску вкрадчивых волн!

Жизнь пульсирует во всём мире! Но разными красками и в ином богатстве! Тяжело жить за каменной стеной и не надеяться увидеть многообразие мира!

А синие волны хмуро трепещут под сильным западным ветром!

Я вновь в Москве. Работаю. Прописан постоянно 26.5.1943 года!

Не буду анализировать причины, но сегодня вновь меня посещает крыло печали, моего фатума, моего влечения к нему. Впервые с марта 41 года, начавшегося благоуханием и полётом Ленинграда, его Дворца, предстоящей поездки в Прибалтику, Крым и, наконец, войной. Неудержимое жела-

ние лечь, безразличие ко всему, только бы не страдать, не болеть, не действовать. Всего не преодолеть, тем более, что стою на своём низком жизненном пути.

Взволнован американским фильмом «В старом Чикаго.» Город сильных дерзких дельцов. Им не свойственна рыхлость, вялость. Надо так верить в свой успех! Умение брать жизнь горстями – вот доминанта картины. А я? Где взять силы для жизни, для борьбы?

А кругом идёт чудовищная война.

5.07.1943 года. После многомесячного затишья и каждодневных сообщений: «На фронте ничего существенного не произошло,» сегодня в 11 часов вечера послышался звон колоколов и сообщение, что на Курском направлении при поддержке мощных сил танков и авиации противник перешёл в наступление. Атаки отбиты, но немцам в отдельных пунктах удалось вклиниться в нашу оборону. Уничтожено 500 танков, 200 самолетов противника. Бои продолжаются.

Что это? Начало больших событий? Для нас не вполне ожидаемых? После разговоров о мире, об отправке войск на Запад, об унынии Германии, её тезисов о переходе к обороне? И мы готовы этот удар повернуть острием на запад и измолоть силу, последние ресурсы немцев? Каково будущее?

Уже третий день среди тишины раздаётся звон колоколов на тему «Широка моя страна родная» и за ними ОТ СО-

ВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО.

Оперативная сводка: «В течение 7 июля наши войска на Орловско-Курском и Белгородском направлениях вели упорные бои силами танков и пехоты противника. Уничтожено 520 немецких танков и 225 самолётов.» Какой размах борьбы! Какие колоссальные силы, их потери за три дня!

Что впереди? В военных кругах и у населения настроение бодрое. Ещё год назад немецкая армия была могуча, устрашающая, мы удерживали её с большим трудом. Ещё год назад враг катил на юг к Ростову, на Волгу, Сталинград.

12.07 их наступление было остановлено и наоборот, мы открыли новый фронт на Орёл. Прошли 10, 15, 40 км и так каждый день.

Атакуем твердыню немцев уже с трёх сторон, с севера, с востока и юга!

Бои грандиозные. Их сравнивали с боями у Сталинграда и Севастополя.

Сражение у Прохоровки. 5.07.43 года. Немцы отступают. Как никогда сильна наша армия. Как никогда слаба Германия.

Внимание, внимание. Говорит Москва. Оперативная сводка за 20.07.43 года. Наши войска продолжали развивать наступление. Взят город Мценск, Луковка, Архангельское, Ворошилов.

24.07.43 года. Приказ Верховного Главнокомандующего. Успешные действия наших войск окончательно ликвидировали июльское наступление немецких войск. Противник отброшен на прежние позиции. Наши войска продвигаются вперёд.

Итак, чудовищный провал Германии. Несмотря на всю колоссальную мощь, массу стали, брошенной в бой.

В Донбассе. В районе Юзюма мы форсировали Северный Донец. Начавшиеся бои имеют тенденции превратиться в крупные сражения!

За год изменилось все. Закат Германии намечается всё реальнее.

Радио! 5 кратное сообщение. Сегодня 5 августа наши войска Брянского фронта после ожесточенных боев преодолев сопротивление противника, взяли Орёл, а войска Степного и Воронежского – Белгород.

Месяц назад немцы начали наступление, которое закончилось их поражением и превратилось в наступление нашей армии.

Дивизиям, первым ворвавшимся в Орёл, присвоено звание Орловских, а в Белгород – Белгородских. Развеяна легенда, что советские войска не могут успешно наступать летом.

Приказ Верховного Главнокомандующего Советского Союза 3 августа 43 г. Сегодня столица нашей Родины Москва в

12 ч. ночи будет салютовать 12 залпами из 120 орудий. Слава и вечная память павшим бойцам!

И едва кончилось пятое сообщение по радио о Приказе и отзвучал Гимн, как послышались первые залпы орудий. По радио передали, что сегодня возможно беспрепятственное движение по городу до 2 ч. ночи. Зина, Эльза и я вышли во двор слушать залпы и смотреть салют! Всюду слышны голоса вышедших людей. Торжественно и всенародно, понятно для всех! Не столь аскетично, как бывало! Много вернулось и стало «как прежде.»

Немцы уже бессильны! Даже их атаки на юге, которые они вели целую неделю, и так интенсивно, кончились ничем и вчера прекратились.

Между тем 18.07.1943 года английские и американские войска начали свое наступление на Сицилию. 6 дней и ночей бомбили самолёты города и затем на 2000 кораблях, был высажен десант в 100000 человек. Эйзенхауэр обратился к населению Франции, Греции, Югославии сохранять спокойствие, не производить преждевременных выступлений и ждать его указаний.

Сегодня опубликовано обращение Черчилля и Рузвельта к народу Италии, покончить с Муссолини и принять почётную капитуляцию перед превосходящими силами союзных войск.

Итак, в Сицилии союзники идут успешно вперед. 400000 войск Италии заперты на острове, блокированные кругом. Взят Палермо. Что ждет Италию, если союзники вступят на континент? Что ждет Германию? Предсмертная агония работодателя Европы близится как неумолимый рок.

27.07.1943 года. Отставка Муссолини. В стране волнения. В одном городе немцы применили против демонстрантов артиллерию. Роспуск фашистских партий в Италии. Смена руководства по всей стране. На площади сожжены архивы фашистского органа ПОПОЛО ДЕ ИТАЛИО. Народ не спал всю ночь, находясь в радостном возбуждении! Итак, величайшие события начались. Пал первый диктатор! В американских газетах сообщение о встрече Гитлера с Муссолини, будто Гитлер отказал помочь ему, ссылаясь на осложнения на Восточном фронте.

Величайшее наступление Красной армии, её удары сковали Германию. И Италия оказалась беспомощной перед острожно ведущими войну союзниками.

Канун величайших событий мира! Какие переживания для народов! У нас издан Указ о порядке присвоения воинских званий: рядовой, сержант, офицерский состав. В кино идёт фильм «Миссия в Москву» американского посла Дэвиса. Большое впечатление от умного обзора исторической эпохи 1936-1943 гг.

Читаю о православной церкви и войне брошюру, выпу-

ценную у нас на немецком языке. Читаю «Путь» – религиозно-философский журнал, изданный в Париже.

Наркомат совхозов. Я работаю, но мне грозит фиаско. Вместо ожидаемого подъёма и назначения меня на должность главного инженера предстоит командировка. В момент, когда надо работать на огородах. Всё это душит. Ждать, когда образуется само собой, не приводит к нужному результату. У меня отсутствуют какие-то качества, которые обеспечивают успех! Самоанализ мешает работе, демобилизует. Сколько волнений вокруг моего положения в тресте. Запущенность дел.

Нет, не так страшно. Положение нормализуется. Приближается 1 мая! На заседании месткома выдвигают лучших. О нас ни слова. Ну и пусть!

Что я делаю? В тресте начальник отдела и профорг. Пишу всякие указания, письма. Вечером – специальный ужин. В 9 часов захожу в клуб, кино, библиотеку. Газеты «Британский союзник», «Война и рабочий класс.» Домой в 10 часов.

Командировка! Тамбов! Я на подъёме! Всегда бы так!

Конный завод. Потуги оживить нашу разваливающуюся контору сельскохозяйственного строительства. Спасти её!

Москва за 20 дней казалась ушедшей в другой мир! Отчаянная тяга к ней. Мечта о семье. И вдруг сбылось.

Долго буду помнить трудности получения билета. Готов

был сесть на подножку поезда, но преодолел себя и вот билет. В вагоне до отказа!

Звуки разговора вспыхивают отрывками слов, вздохов полушёпота.

Гудки паровоза. Вновь, как в юности. Восприятие, будто успокаивающей симфонии, отрываешься от действительности, дел, обязанностей. Какая-то поэзия в нереальные существования. Влечение силой, не грозящей ничем плохим, сулящей иное! Сейчас застучат колеса и нервы будут благодарны, если это состояние будет длиться долго, долго!

А помнишь поездку на Кавказ летом 1943 г. Из Москвы самолёт. Первый раз в жизни. Я на Дугласе. Высота 300 м. Полная уверенность в технике. Еду в Ставрополь. В машине летом. Холмы, равнины. Бивуак под солнцем!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.